

пунктов христианской веры — христианской догмы о сотворении Богом материального мира из ничего. «Вселенная вечна, поскольку возникла с Зевсом... она не начата во времени и никогда не будет иметь конца», — говорил он. (*Pléth. Lois. P. 243, 264*). Созданный воображением Плифона пантеон богов во главе с пантократором Зевсом — это некое наднебесное мироздание, где каждый из богов существует по отдельности и все сообща в едином. Из плифоновского объяснения организации мироздания можно заключить, что его структуру он мыслил как нечто подобное провоз-^{251}глашенной Николаем Кузанским *explicatio* высшего божества (хотя адекватного греческого термина Плифон не выработал), как его проекцию, саморазвертывание и бесконечное самораспространение в качестве единой и единственной основы. Все звенья онтологической картины мира в этой основе первоначально существуют, согласно Плифону, в единстве, а в результате упомянутого саморазвертывания получают самостоятельность и могут быть отличимы друг от друга. Особенно хорошо видны принципы плифоновской онтологической структуры мира из его 16-го гимна Зевсу: «Производитель и всемогущий властелин всего, который, все в себе самом заключая (скрывая) воедино и нераздельно, затем выпускает каждую вещь из себя особо, делая таким образом свое творение чем-то законченно единым и целостным» (*Ibid. P. 216*).

Рационализм, философичность, рассудочность, присущие плифоновскому мышлению, его стремление дать определение божеству, раскрыть его конкретную сущность в значительной мере лишали его богов трансцендентного и сверхъестественного характера. В этом пункте Плифон далеко отошел от апофатизма не только отцов церкви, но и неоплатоников (в частности, Плотина), стремившихся познать бога путем отрицаний, т. е. не через то, чем он является, а через то, чем он не является. По существу весь политеистический пантеон Плифона представлял собой систему персонификаций, философских категорий, описывающих мир и выведенных одна из другой согласно дедуктивному методу, которого придерживался автор. Говоря языком семиотики (а ведь именно семиотический анализ, на наш взгляд, может оказаться наиболее плодотворным при исследовании плифоновской философии — как ключ к тому пафосу, в состоянии которого Плифон творил), весь его религиозно-мифологический пантеон является универсальной знаковой системой, служащей для выражения наиболее общих и существенных свойств, отношений и состояний мироздания. Все эти категории, надлежащим образом дифференцированные и соподчиненные, замкнуты на группу божественных имен, распределены по именам этой группы так, что ни одно из них не обходится без покровительства «своего» бога. Кроме того, сами эти имена сплетены, так сказать, кровнородственными отношениями в целостную и конечную по числу имен систему и служат как бы остовом всей плифоновской логической конструкции Вселенной.

Таким образом, боги Плифона суть знаки для обозначения других предметов и замещения их в целях коммуникации. И как таковые они не ограничиваются лишь их способностью нести объективную семантическую информацию об объекте — они являются носителями также и эмоционально-экспрессивной информации о субъективных вкусах и настроениях их автора, чересчур буквально понимавшего требование Аристотеля, согласно которому философ должен быть «мифололюбом». В этом смысле можно согласиться с тем, что имена олимпийцев в «эллинской теологии» Плифона — это не только персонификация философских категорий, не только удобные «знаки». Они являются вместе с тем и образами, помогающими раскрыть и представить взаимосвязь и взаимозависимость космических процессов в переходе от божественного единства к множественности вещей зримого мира. В политеизме Плифона проявились и антихристианская направленность его «Законов», и пластический характер его философского мышления, находящего наиболее адекватное выражение глубин-^{252}ной структуры мироздания не в отвлеченных категориях и дефинициях, а в художественных образах, связанных с множеством литературных, изобразительных и мифологических ассоциаций³⁵.

Плифоновская модель мира, построенная с использованием теоморфных символов и образов, имеет и свой центральный элемент — человека, роль которого на этом онтологическом уровне мыслится как поистине уникальная: служить промежуточным звеном (*μεθόριον*) и связкой (*σύνδεσμος*) двух частей мироздания — смертной и бессмертной, ибо, «чтобы вселенная могла быть полной и законченной, нужно, чтобы она состояла из начал бессмертного и смертного, чтобы она не была ни расколотой, ни раздробленной, но действительно соединя-

³⁵ Горфункель А. Х. Философия эпохи Возрождения. М., 1980. С. 73.